

Карина Демина

ЛЕДИ, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА ГОТОВИТЬ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)
Д30

Демина, К.

Д30 Леди, которая любила готовить / К. Демина. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 332 с. — (Леди, которая любила готовить).

ISBN 978-5-517-11522-5

Василисе, третьей дочери князя Радковского-Кевич, не досталось ни красоты и силы старшей сестры, ни ума средней. Из всего наследия рода она получила странную внешность прабабки-степнячки, любовь к лошадям, умение готовить и проклятье, разрушившее всякую надежду на брак. И что остается старой деве, кроме как вовсе удалиться от света, если не на край мира, то почти? Благо, остался от тетушки на Крымском берегу старый дом, где Василиса когда-то была счастлива, конюшни и семейные тайны, разгадать которые придется, ведь прошлое порой куда ближе, чем кажется.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11522-5

© Демина Карина, текст, 2024
© Полина Кульева, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

Василиса сделала глубокий вдох, выдохнула и закрыла глаза.

— Вася! Вася не смей этого делать! — в дверь ударилось что-то тяжелое, но мореный дуб выдержал. А Василиса поморщилась. Вот неугомонный. — Не вздумай даже!

Она подняла руку. Солнечный свет, пробиваясь сквозь тончайшее полотно бумаги, окрашивал ее во все оттенки золота. И в золоте этом терялись буквы. А Василисе подумалось, что будет совсем даже неплохо, если буквы эти вовсе потеряются. Мысль вдруг показалась совершенно замечательной. И собственная сила ее, обычно неподатливая, неудобная, отозвалась легко. Повинуясь ей, вспыхнула нарядная розовая свеча. Невыносимо запахло цветами, причем запах был резким, раздражающим и совершенно не соответствующим моменту.

— Вася!

Дверь выдержала еще один удар, правда, с потолка посыпалась побелка. Василиса вздохнула и сказала достаточно громко, чтобы ее услышали.

— Не заперто.

— Вась? — а теперь дверь приоткрылась осторожно. Александр заглянул в комнату. — Вась, ты как? Ты же не собираешься сделать какую-нибудь глупость?

— Какую-нибудь — нет, — Василиса поднесла лист к свече. Тонкий рыжий огонек потянулся, а дотянувшись, пополз по бумаге, уродуя золото черными пятнами ожогов.

— Вась, я серьезно. А то ж мне сказали, ты как письмо прочла, прям вся переменилась и к себе пошла. И я подумал... что... ну, мало ли... потому и серьезно. Вот, — Александр вошел бочком,

что было странно и, пожалуй, даже забавно. Огромный, в деда, он сутулился, стараясь казаться меньше, незаметней. Но скромный синий студенческий мундир, украшенный девятью золочеными пуговицами, лишь подчеркивал и неуместность этой вот позы, и стати.

— И я серьезно, — она перехватила лист за другой уголок и вздохнула. — Успокойся. Ничего я не буду делать. Разве что... не знаю, торт испеку?

— Шоколадный? — Александр окончательно успокоился и расправил плечи, отчего в гостиной стало тесновато.

— Может, и шоколадный.

— Тогда хорошо... — он переминался и смотрел все еще виновато, хотя уж его-то вины в случившемся точно не было.

Ничьей не было.

Просто...

Так получилось.

— Ты сильно расстроилась? — Александр все-таки решился присесть. На самый краешек софы, памятуя, что в дамских комнатах мебель все-таки довольно хрупка.

— Даже не знаю, — Василиса разжала пальцы и позволила листу упасть. Правда, огню коснуться наборной поверхности комода не позволили. Он погас.

И свеча вонять перестала.

Хотя... надо будет велеть, чтобы окна открыли.

— Я его все равно на дуэль вызову, — теперь, когда беспокойство за сестру отступило, Александр позволил себе злость.

И пальцы его стиснули рукоять шпаги. Пусть нынешняя, положенная уставом Высшего имени Его императорского Величества Николая I Дворянского Института, и была неказиста с виду, да и вовсе не особо нужна человеку столь одаренному, как Александр, но владел ею он весьма неплохо.

— Зачем?

— Чтобы знал, как порядочных девушек перед свадьбой бросать.

— Не он первый, — Василиса пожала плечами и устроилась у окна. То выходило на парк, и прежде Василисе нравилось раз-

глядывать, что удивительную вязь желтых дорожек, что ковровую зелень газонов, что разноцветье клумб.

— Вась... я... вот увидишь... — светлые брови сошлись над переносицей. — Все еще образуется. И не надо обращать внимание на одного идиота.

На одного — не стоит.

Но...

Снова слухи пойдут. После прошлого раза еще не все утихло, а тут надо же... снова... и полетят письма с выражениями сочувствия, со словами поддержки, ибо положено поддерживать брошенных невест...

Василиса с трудом, но сдержала вздох.

...выйти придется. И из комнаты, и из дому. Правила игры давно известны. Нельзя показывать слабость или обиду. Радковские-Кевич не могут позволить себе ни того, ни другого.

Улыбаться.

Принимать притворное сочувствие с притворным же вниманием, болтать о пустяках и казаться беззаботной, как и положено девице ее положения.

А она устала.

Василиса поняла это неожиданно ясно.

Устала от игр.

И от сплетен.

От шепотка за спиной... та самая, проклятая... четвертый жених... или уже пятый? Можно понять бедолагу... ни одно приданое не окупит...

От взглядов, от которых не скрыться. И приходится держать спину ровнее. И улыбаться все беззаботней, пока щеки не заболят, пока лицо не одеревенеет, пока самой Василисе не станет казаться, что она — лишь кукла, в которую по недоразумению вдохнули каплю жизни.

— Вась, ну Вась, — Александр дотянулся и дернул за рукав. — Хочешь, я нового жениха найду?

— Зачем?

— Не знаю, — он смотрел снизу вверх, заискивая и всем видом своим выражая готовность помочь. — Чтоб был?

— Не надо, чтоб был, — Василиса улыбнулась. И Александр улыбнулся в ответ, добавив:

— Я ему вторую руку тоже сломаю. Для симметрии. И вообще...

Василиса покачала головой. Она была далека от мысли, что сумеет сдержать праведный гнев брата, да и... обида была.

Горькая, как темный шоколад, тот самый, что привозили из-за моря, щедро сдобренный перцем и оттого жгучий. И эта обида нашептывала, что стоит намекнуть, и рукой дело не ограничится. Александр все кости переломает.

А то и вправду дуэль...

Дуэли чести ведь не запрещены, пусть и высочайше не одобряются, но... Василиса подошла к брату и положила руку на плечо.

— Оно того не стоит.

Обида полыхнула пламенем.

— Вась...

— И Марье скажи, а то ведь...

Александр хмыкнул. И выражение лица стало... впрочем, Василиса и сама понимала: говори Марье или нет, она все равно поступит по-своему. И обиды, учиненной роду, не простит.

А Василиса опять будет чувствовать себя виноватой.

Перед всеми.

Она посмотрела на оплавившуюся свечу. На остатки письма. На парк. И вдруг поняла, чего хочет.

— Я уеду.

— Куда? — Александр привстал, но вновь опустился на софу. Вытянул ноги, что уперлись в крохотный столик с пятком фарфоровых статуэток.

Еще один подарок.

...они столь же изящны, как и вы...

Правильные слова. Правильные подарки. Тоже своего рода искусство, которым Владимир владел в полной мере. Правда, теперь статуэтки вызывали одно лишь желание — разбить их о стену. И закричать. Во весь голос. По простому, по базарному, но... нельзя.

Надо держать себя в руках.

— Не знаю. Отсюда. Ненадолго. Пока все поутихнет. Не хочу никого видеть.

— Станут говорить...

— Что бы я ни сделала, говорить станут, — отмахнулась Василиса. И новая идея захватила ее всецело. — Вдовый дом... тетушка ведь нам его оставила, верно? И там никто не живет?

— Никто. Кажется. Я не знаю. Надо у Сергея Владимировича спросить, но... Вась...

— Ненадолго, — ей, кажется, и задышалось легче. Конечно. Кому нужен Ахтиар с вечной его круговертью, с балами и красавцами, которым не стоит верить, которые в сломанной руке видят перст судьбы и вообще горазды придумывать себе сказки.

— Вась, а...

Подальше от слухов.

Сплетен.

Очередной попытки подыскать ей жениха, потому что женщина тридцати двух лет не может не быть замужем, даже если ей туда не слишком-то и хочется. От семьи, что всенепременно соберется, и даже Настенька, возможно, приедет, оставив ненадолго свой драгоценный университет.

От всего.

— Мне... — она коснулась пальцами висков, чувствуя, как смыкается кольцо зарождающейся боли. — Просто надо побыть одной. Понять... разобраться... в себе и вообще.

Александр кивнул.

Вздохнул.

И добавил:

— Вечером поговорим.

— Почему бы и нет? — княжна Марья и в домашней обстановке оставалась княжной. Рядом с сестрой, высокой и статной, именно такой, какой должна быть урожденная Радковская-Кевич, Василиса остро ощущала собственную неполноценность. — Не вижу ничего дурного. Дом и вправду свободен. Надо лишь распорядиться, чтобы его в порядок привели.

— Маш? — а вот Александр был недоволен.

И шоколадный торт его не успокоил.

Он расхаживал по гостиной, благо, нынешняя была в достаточной мере просторна, чтобы хватило места и ему, и княжичу Вещерскому. Правда, последний не ходил, но занял место в дальнем углу, откуда с восторгом и обожанием наблюдал за женой.

Такую, как Марья, легко было обожать.

— Что? Она ведь не собирается сбегать с бродячим цирком...

На щеках Александра вспыхнули алые пятна.

— Это было давно...

— ...или в юнги подаваться.

— Это было еще давнее!

— Само собой. Она просто хочет уехать и пожить в тишине.

Василиса коснулась хрупкой фарфоровой чашки. Вот опять... они говорят о ней так, будто ее, Василисы, в комнате нет. Будто она дитя несмышленое, не способная сама решить.

Раздражение захлестнуло Василису с головой.

И схлынуло.

Они ведь не специально, они ведь из беспокойства, а... кто виноват, что она, Василиса, причиняет семье столько беспокойства?

— Я поеду, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — В конце концов, мне тридцать два...

...старая дева.

А старым девам нет нужды думать о репутации. А еще можно не обращать внимания на слухи. Старым девам, если подумать, позволено куда больше, чем просто девицам из благородных семей.

— И я просто... от всего этого устала. Я хочу просто пожить. В тишине. В... не знаю.

Марья чуть склонила голову. В светлых ее волосах мерцали бриллианты. Белое длинное платье — им с Вещерским скоро выезжать, в театр или еще куда, главное, что Марье светская жизнь не доставляет неудобств — казалось в той мере простым, чтобы простота эта стоила немалых денег.

Короткие перчатки.

Браслет с желтыми топазами.

И простенькая подвеска с огромным камнем. Василиса в жизни не рискнула бы примерить что-то подобное, чересчур роскошное, вызывающее даже. А вот Марья относилась к камням, как и к золоту, равнодушно. И не от этого ли равнодушия камень нынче сиял вовсе нестерпимо.

— Разве я многого прошу? — тихо добавила Василиса.

Она терялась, когда на нее смотрели.

Вот так и все сразу.

И...

— Быть может... — голос Вещерского звучал мягко, и от этой мягкости у Василисы мурашки по спине побежали. — Не стоит спешить... ситуация, конечно, до крайней степени неприятная, но и выход можно найти иной. У меня есть... старый приятель... человек в высшей степени порядочный... но, к сожалению, в силу определенных обстоятельств оказавшийся в не самой простой жизненной ситуации.

— Нет, — Василиса впервые позволила себе кого-то перебить. — Я не хочу замуж. Ни за вашего приятеля. Ни за кого другого... хватит!

Получилось, пожалуй, куда громче, чем следовало бы.

— Я устала.

— Вася, — Марья умела смотреть так, что руки леденели. — Подумай хорошо. Уедешь? Все решат, что ты и вправду виновата, раз сбежала.

Василиса обняла себя.

Она не сбегает.

Она... она просто хочет, наконец, пожить в тишине и покое. Разве это много?

— А вот если ты выйдешь замуж...

— Все решат, что вы нашли бедолагу, которому деньги важнее жизни, — это вырвалось само собой. Прежде Василиса не позволяла себе грубости. И во взгляде сестры появилось... удивление?

Пожалуй.

— Что будет недалеко от истины, — она все-таки присела и разгладила юбки. И подумала, что вот ее платье, пусть шито тем

же портным, который старался для Марьи, пусть стоило немало, но вот... неудачненькое получилось.

Как вся ее жизнь.

Как сама она...

— Я свяжусь со Сергеем Владимировичем, — она надеялась, что голос ее звучит в достаточной мере спокойно. — Дом подготавливают. Я соберу вещи... для остальных... не знаю. Придумайте что-нибудь. Уехала, к примеру, за границу... здоровье поправить. Или еще что.

Говорить, когда на тебя все смотрят, оказалось не так и просто. Но Василиса заставила себя продолжить.

— Я не собираюсь делать ничего дурного, я...

— Да, да, — Марья взмахом руки прервала этот лепет. — Что ж... может статься, так и вправду будет лучше. Для всех.